

ТАТЬЯНА
АЛЕКСАНДРОВА

СКАЗКИ СТАРОЙ ТРЯПИЧНОЙ КУКЛЫ

Рисунки А. Зининой

«МАЛЫШ»

Сказки
старой
Трапичной
Куклы

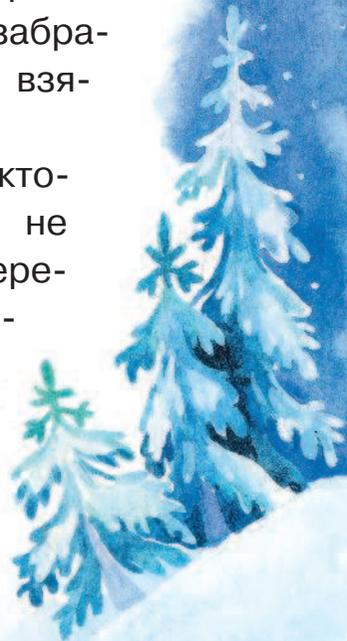

Было это давным-давно, — сказала старая-престарая тряпичная кукла. — Я ещё совсем новёхонькая была и жила в деревне у двух сестёр. Которая постарше, младшую нянчила, а младшая — меня.

Уехали как-то отец с матерью на ярмарку в дальнее село. Мы остались одни. Девочки как могли по хозяйству управились, забрались на печку спать и меня с собой взяли.

Проснулись среди ночи. Слышим, кто-то гудит, воет, свищет. А избу свою не узнаём. Она выше стала. Из окон серебряный свет льётся, полна изба сере-

бряного света. Занавески на окнах, самовар на столе, скамейки, чугуны, ухваты — все на себя не похожие, до того нарядные, будто в гости собрались или гостей ждут.

Вдруг распахнулась дверь. Зазвенели пустые вёдра на лавке в сенях. Зашевелилась старая шуба на гвозде у двери. С громом упала кочерга. Захлопали занавески на окнах.

Девочки лежат на печи ни живы ни мёртвы. А по избе кто-то ходит и вздыхает, ходит и вздыхает.

Старшая сестра, Настя, прижала к себе младшую, Мотю, и спрашивает:

— Кто там по дому ходит, спать не даёт?

Тут к печи подошли, вздыхает кто-то, стонет, плачет.

— Ты кто? — спрашивает старшая сестра. — Если станешь нас обижать, лучше уходи!

— Ветер я! — послышался голос. — Всего только Ветер.

— Ты чего плачешь, Ветер? — пожалели его девочки. — Замёрз или боишься кого?

— Кого мне, Ветру, бояться? — отвечает ночной гость. — Я ли замёрзну?

— А что ж ты плачешь, такой большой и сильный?

— А то и плачу, — говорит Ветер, — что никому и не нужен, никому не мил. Все от Ветра прячутся, все от меня бегу-у-ут, У-у-у! Ещё и дразнят: «Один, как Ветер в поле».

— Что ты, Ветер?! — утешают его девочки, — Всем ты, Ветер, нужен, нельзя без тебя, без Ветра. Сено без тебя не просохнет, хлеб не обмолотят, тучи с места не стронутся. И в песнях про тебя поют, как ты кораблик по морям носишь.

Обрадовался Ветер, перестал вздыхать и плакать, слушает, что ему скажут.

А девочки давай его хвалить:

— Кто без тебя будет крылья мельницам вертеть, кому муку молотить? Кто поможет хлеб веять? Кто наше бельё высушит?

Забыли девочки, что Ветер переменчив. А Ветер взял и обиделся:

— Это я, Ветер, ваше бельишко сушу? Я к вам в работники нанялся? Я — вольный Ветер! Я — могучий Ветер! Крышу с дома сорву, тогда увидите, какой я вам слуга. Ишь что придумали!

Испугались девочки:

— Пожалей нас, Ветер, не сердись! Мы ведь не хотели тебя обидеть. Ты — вольный Ветер, ты — могучий Ветер. Что хочешь, то и делаешь.

— То-то! — успокоился Ветер, — Ну ладно! Пора и мне, Ветру, проветриться!

— Прощай, Ветер! — говорят девочки. — Прости, если что не так сказали. Хочешь, мы завтра с тобой поиграем? Мы тебя всюду найдём!

— Так уж и найдёте? — рассмеялся Ветер. — Ищи Ветра в поле! Лучше я сам вас найду в поле или на лугу. Так и быть, поиграю с вами. Но если чересчур

разыграюсь, бегите домой. Я — Ветер переменчивый, сам не знаю, чего хочу.

Хлопнул дверью и ушёл.

Тут и отец с матерью вернулись.

— Заходил к нам кто-нибудь? — спрашивают.

— Заходил! Заходил! — обрадовались девочки. — Ветер заходил!

— Значит, никого не было, — сказали родители.

Хочется в школу, а зима, — снова начала свой рассказ старая престарая тряпичная кукла. — Матушка уговаривает Настю и Мотю:

— Не дойти в эту пору. Восемь вёрст снегом шагать. Здоровый мужик, может, и дойдёт, да и то в валенках. А у вас и валенок нету, и малы ещё. В поле снегом заметёт, в лесу волк загрызёт. Было у меня две доченьки, не станет ни одной. Чем эдакая напасть, садитесь-ка лучше прядь. Вон сколько льну наготовлено. А то скажут люди: ну и пряхи — ни юбки ни рубахи!

Сели на лавочку прядь. Чтоб не скучно было, поют с матушкой песни. А в школу всё равно охота.

Как-то проснулись поутру. В избе по стенам солнечные зайцы скачут. На столе завтрак матушка оставила. На печи старые отцовы валенки сохнут.

Девочки позавтракали, чашки вымыли. Что дальше делать? В окно солнце сияет, снег сверкает, небо синееет.

— Моть, побежали в школу? — говорит Настя. День-то обрадовался солнцу, потянется подлиннее. Как раз до темноты туда-сюда обернёмся. Нас и не заругают. Учительница обрадуется, буквы в книжке дальше покажет. По карандашу подарит. Наш-то почти весь изрисовался.

Настя обулась в валенки. Хоть и не впору, идти можно. Мотя лапти надела. Старшая сестра завернула в платок по куску хлеба, младшая меня в платок завернула. Быстро побежали задворками, огородами — не остановил бы кто. С тропы не сойти — снег. Тропа вывела на дорогу, дорога — в лес. В лесу красота, не нагладишься. Не иначе, Снегурочка здесь побывала. Кто ещё так все деревья, все кусты изукрашит, ни одного не пропустит.

— А матушка нас не заругает, что без спросу ушли? — спрашивает Мотя.

— Так мы туда и обратно! — говорит Настя. — Долго ли? Учительницу нашу посмотрим. Соскучилась по нас, поди.

Идут, идут, а лесу конца нет. Снегу на дороге — быстро не пойдёшь. Хорошо Насте в валенках, а у Моти полны лапти снега. Солнце то ли за тучу зашло, то ли за деревья. Снег не сверкает. Тихо. Только сорока крикнет, выскочит перед девочками на дорогу и опять в лес.

Снег пошёл. Сначала мелкий, как мука, мучинка от мучники далеко. Потом крупнее, будто крупа с неба посыпалась. Потом хлопьями повалил. А вышли из лесу — тишины как не бывало. В поле выл, гудел, свистел ветер. Да не один, а много дружков-приятелей налетели из разных краёв и стран. Гоняются друг за другом, борются, кружатся, носятся, будто с цепи сорвались. Не то что дороги — белого света не видать, один белый снег.

В лесу сильному ветру тесно, слабые ветерки гуляют, посвистывают. Снег сыплется пуще и пуще,

